

Аллахвердиев Роман Селимхан оглы

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 7-12. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.14

Роман Селимхан оглы Аллаhverдиев

Юридическая компания «SID», г. Баку, Азербайджан

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ[©]

Согласно ст. 90 УПК Азербайджанской Республики подозреваемым, как стороной защиты признается:

- а) лицо, в отношении которого принято постановление о задержании для предъявления ему обвинения;
- б) лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;
- в) лицо, в отношении которого принято постановление об избрании меры пресечения, за исключением ареста, залога и домашнего ареста [18, с. 85].

Комментируемая норма содержит исчерпывающий перечень оснований, в соответствии с которыми лицо является подозреваемым, но не все они представляются верными. Так, согласно ст. 91 УПК Азербайджанской Республики, обвиняемым признается физическое лицо, в отношении которого следователем, прокурором или судом вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Налицо коллизия между двумя нормами: не может лицо одновременно быть и подозреваемым и обвиняемым, даже если в отношении него вынесено постановление о задержании для предъявления обвинения, поскольку задерживать придется лицо, уже получившее статус обвиняемого.

В УПК Азербайджанской Республики прямо не оговорено, что признание лица подозреваемым производится путем вынесения соответствующего постановления, но необходимость подобного действия вытекает из содержания ст. 90.7.3 УПК, согласно которой одним из прав подозреваемого является получение копии постановления о задержании [Там же, с. 87].

Возможны возражения, что постановление о задержании не есть постановление о признании лица подозреваемым, но реквизиты и содержание обеих постановлений будет одинаковым. В обоих случаях, в описательной части постановлений необходимо указать основания задержания (признания) лица в качестве подозреваемого, ссылаясь на подтверждающие обстоятельства.

В юридической литературе нет единого мнения о необходимости признания лица в качестве подозреваемого путем вынесения специального мотивированного постановления. Сторонники данной точки зрения, предлагают выносить постановление о привлечении лица в качестве подозреваемого, в качестве основного или дополнительного варианта появления данной процессуальной фигуры в уголовном процессе, что, с их точки зрения, позволит избавить гражданина от тягостного положения «изобличаемого свидетеля» [1, с. 127; 8, с. 26-29], а противники считают данное действие бессмысленным, предлагая акцентировать внимание на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, включая в него проверенные и подтвержденные подозрения [19, с. 115].

С нашей точки зрения, вынесение постановления о признании лица подозреваемым должно быть обязательным, что обеспечит соблюдение и полную защиту от подозрений.

Как правило, в протоколе задержания в качестве оснований для подобного решения перечисляются случаи, предусмотренные ст. 148.2 УПК Азербайджанской Республики (лицо поймано при совершении преступления или непосредственно после него; потерпевший или другие очевидцы происшествия прямо указывают на лицо как совершившее преступление; на теле лица, при нем, на его одежде или других используемых вещах, в месте его жительства, на транспортном средстве установлены явные следы, указывающие на совершение преступления), без конкретизации обстоятельств происшествия либо поимки, а также анкетных данных потерпевших или очевидцев, следов и т.п., что исключает реальную защиту от абстрактных подозрений на данном этапе досудебного производства.

Между тем, вручение лицу постановления о признании его подозреваемым с конкретным описанием оснований принятия подобного решения, с нашей точки зрения, обеспечит право личности на защиту, поскольку позволит опровергать конкретные обстоятельства.

Новый УПК Российской Федерации одним из оснований признания лица подозреваемым, считает возбуждение в отношении него уголовного дела. Согласно данному положению, процессуальная фигура подозреваемого появляется одновременно с возбуждением уголовного дела, что согласно мнению авторов Комментария к УПК РФ создает возможность для обеспечения конституционных прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, в том числе знать, в чем он подозревается, отказаться от дачи показаний, а также пользоваться помощью защитника [4, с. 130].

Вместе с тем, в юридической литературе нет единого мнения и по данной проблеме уголовного судопроизводства. Так, согласно утверждению М. С. Строговича, если лицо, которому следует инкриминировать совершение преступления, известно уже в самый момент возбуждения уголовного дела, то это обстоятельство позволяет привлечь данное лицо в качестве обвиняемого в начале расследования [17, с. 33-34; 16, с. 238]. Согласно другой точке зрения, непризнание лица подозреваемым в случаях, когда уголовное дело возбуждается в связи с его уголовно наказуемыми действиями, аналогично ситуации, когда гражданин при наличии достаточных для обвинения доказательств своевременно не ставится в положение обвиняемого путем вынесения соответствующего постановления, что расценивается как ограничение права на защиту [20, с. 28].

Представляется, что признание лица подозреваемым в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела является неверным, поскольку противоречит основным принципам и условиям уголовного судопроизводства. Во-первых, признание лица подозреваемым в связи с возбуждением уголовного дела противоречит презумпции невиновности, поскольку принуждает невиновного доказывать свою невиновность. Во-вторых, в данной ситуации лицо лишается возможности защиты путем опровержения доказательств его причастности к совершенному преступлению, поскольку доказательств как таковых на данном этапе уголовного процесса не существует. В-третьих, уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления, а не в отношении лица, и основанием для этого является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В-четвертых, признание лица подозреваемым в связи с возбуждением уголовного дела порождает у лица обязанности, необходимость исполнения которых не обоснована доказательствами вследствие отсутствия таковых.

По логике авторов данного положения, чем быстрее лицо узнает о существующих в отношении него подозрениях, тем лучше будет от них защищаться и это является обеспечением права на защиту. При этом, иные аспекты вопроса игнорируются, очевидная разница между возбуждением уголовного дела по факту совершения преступления и возбуждением уголовного дела в отношении лица опять-таки по факту совершения преступления сводится к несущественным противоречиям, не учитывающим человеческие факторы проблемы.

С нашей точки зрения, преждевременное появление в уголовном деле подозреваемого приводит к необоснованному применению мер процессуального принуждения - задержания и пресечения, а это гораздо опасней, чем мнимая забота о правах подозреваемого. При наличии подозреваемых следователи будут вынуждены решать вопрос о мерах пресечения, поскольку УПК обязывает их своевременного пресечь действия подозреваемого или обвиняемого, препятствующие нормальному ходу предварительного следствия, уклонение их от явок по вызовам, повторное совершение преступлений и т.п. [2, с. 48-52].

Согласно ст. 90.2 УПК, орган, осуществляющий уголовный процесс, не вправе сохранять задержанное физическое лицо в положении подозреваемого свыше 48 часов, а лицо, в отношении которого избрана мера пресечения - свыше 10 дней с момента объявления ему постановления об избрании меры пресечения. До истечения указанных сроков орган, осуществляющий уголовный процесс, обязан освободить подозреваемого и отменить избранную в отношении его меру пресечения либо принять постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, а также освободить подозреваемого и отменить избранную в его отношении меру пресечения при недостаточной обоснованности подозрений. Лицо перестает быть подозреваемым с момента его освобождения, отменены меры пресечения или вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого [Там же, с. 26; 8, с. 25-26].

Утверждение о недостаточной обоснованности подозрений представляется неверным. Если подозрения недостаточно обоснованы, то зачем кого-то задерживать, а затем освобождать [3, с. 22; 7, с. 11]?

С момента задержания или предъявления постановления об избрании меры пресечения подозреваемый наделяется рядом прав, некоторые из которых по сути своей являются структурными элементами системы обеспечения прав личности, подвергнутого уголовному преследованию.

Так, согласно ст. 90.7 УПК подозреваемый в ходе предварительного следствия имеет следующие права: знать, в чем подозревается, в т.ч. содержание подозрения и юридическую оценку вменяемого ему деяния; знать основания задержания и с момента задержания получать юридическую помощь от защитника и письменное извещение о своих правах; получить копию постановления о задерживании или об избрании меры пресечения; ознакомиться с протоколом задержания и подать на него замечания, подлежащие занесению в протокол; иметь защитника с момента задержания или объявления постановления об избрании меры пресечения; немедленно после задержания сообщить о своем задержании по телефону или другим способом семье, родственникам, в место жительства, работы или учебы; самостоятельно выбрать защитника, прекратить его полномочия, при отказе от защитника, самостоятельно осуществлять свою защиту; до первого допроса иметь с защитником свидания наедине и конфиденциальные контакты без ограничения количества и продолжительности бесед; бесплатно пользоваться помощью защитника, по собственному ходатайству давать показания в присутствии защитника; давать либо не давать показания (объяснения) против себя и своих близких родственников либо вообще отказаться от дачи показаний; давать показания на родном языке или на другом языке, которым владеет; бесплатно пользоваться помощью переводчика; заявлять отводы и ходатайства; участвовать в следственных или иных процессуальных действиях, либо, если УПК не предусмотрено иное, отказаться от участия в этих действиях; по собственному желанию принимать участие в следственных или иных процессуальных действиях с помощью защитника; представлять доказательства и иные материалы для приобщения к уголовному делу; заявлять возражения против действий органа осуществляющего

уголовный процесс, и требовать их занесения в протоколы следственных или иных процессуальных действий; знакомиться с протоколами следственных или иных процессуальных действий, в которых участвовал, делать замечания о верности и полноте записей в них; при участии в следственных или иных действиях, требовать занесения в протоколы тех или иных обстоятельств; информироваться органом, осуществляющим уголовный процесс о принятых постановлениях, касающихся прав и законных интересов подозреваемого, и по своей просьбе получать копии этих постановлений; обжаловать постановления и действия дознавателя, следователя, прокурора и суда; отказаться от своей жалобы или жалобы поданной защитником; примириться с потерпевшим; получить возмещение расходов, понесенных во время производства по уголовному делу и компенсацию за ущерб, понесенный от незаконных действий органа, осуществляющего уголовный процесс; пользоваться иными правами, предусмотренными УПК [18, с. 86-88].

В определенной степени, перечисленные права подозреваемого обеспечиваются положениями ст. 161 УПК, регламентирующими обязанности администрации места содержания под стражей, но они касаются только лиц, задержанных в качестве подозреваемых. Представляется, что предписание разъяснять лицам, участвующим в уголовном производстве их права, обязанности и возможности осуществления, содержащееся в ст. 120 УПК, в большинстве случаев носит декларативный характер и ничем не гарантируется [7, с. 7-9].

Рассмотрим содержание основных прав подозреваемого, которые с нашей точки зрения не имеют нормативного обеспечения.

Протокол задержания не содержит отметки о том, когда с ним ознакомился подозреваемый, в связи с чем утверждение о неотложности этого действия также носит декларативный характер [8, с. 7-11; 11, с. 71]. Протокол может быть датирован одним числом (временем), а подозреваемому дан на подпись через несколько дней.

УПК не содержит положения, предписывающего обязательное протоколирование процесса сообщения подозреваемым по телефону или иным способом о своем задержании, поэтому обеспечение этого права, как правило, игнорируется.

Процедура представления подозреваемым доказательств, ходатайств, отводов и других материалов и приобщения их к уголовному делу законом не регламентирована, в связи с чем многие из них к материалам дела не приобщаются [14, с. 102-112].

Возражения подозреваемого против действий органа, осуществляющего уголовный процесс, могут иметь место, но как обеспечить их занесение в протокол следственного или иного процессуального действия, закон не оговаривает. В отсутствие защитника, а также понятых, круг участия которых в производстве следственных действий, с нашей точки зрения, необоснованно сужен, следователь сделает оговорку в протоколе об отказе подозреваемого от подписи, и этим данное право будет сведено на нет.

В УПК не оговорено, какие постановления органа, осуществляющего уголовный процесс, касаются прав и законных интересов подозреваемого и копии каких из них он вправе получить, в связи с чем, обеспечение этого права остается на усмотрении стороны обвинения, что также чревато нарушением прав личности.

Представляется необходимым более подробно остановиться на праве подозреваемого давать показания на родном языке, поскольку проведенное исследование показало, что данный вопрос решается при расследовании преступлений неоднозначно.

Согласно С. И. Ожегову, родной язык - это язык своей родины, на котором говорят с детства [12, с. 593], однако данное определение представляется неполным. Человек может родиться в одном государстве, прожить там несколько лет, а затем переехать в другое и говорить в детстве на государственном языке второго государства. Кроме того, в государстве рождения в течение всего детства он может говорить на государственном языке другого государства либо другой национальности. Подобных сочетаний и комбинаций может быть множество, и, в отдельных случаях не одна из них не будет соответствовать интересам личности. Для человека, родившегося, н.п. в Монголии и говорившего в детстве на монгольском языке, таковой не будет родным, если последующие тридцать или сорок лет он прожил в другом государстве, где общался на другом языке. Также, не будет родным язык национальности, даже если он соответствует месту проживания, когда лицо общается и мыслит на другом языке. Изложенное не является проблемой при выборе языка для дачи показаний, однако может создать определенные трудности при решении вопросов о приглашении переводчика, ознакомлении с материалами уголовного дела и т.п., т.е. явится препятствием для полного обеспечения прав личности.

Согласно ст. 91 УПК Азербайджанской Республики, обвиняемым признается физическое лицо, в отношении которого следователем, прокурором или судом принято постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Лицо признается вышедшим из положения обвиняемого с момента прекращения уголовного преследования в его отношении.

Права обвиняемого в процессе расследования преступлений и состояние их обеспечения за незначительным исключением аналогичны правам подозреваемого [18, с. 89-94]. Несмотря на незначительные улучшения, продолжают оставаться актуальными утверждения М. С. Гафарова о том, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует оптимальная система обеспечения непрерывной активности обвиняемого в процессе предварительного расследования, позволяющая ему активно реализовать своё право на защиту, а именно: не предоставлено достаточное время для подготовки к защите; аморфно право на получение экземпляров процессуальных документов и конфиденциальные встречи наедине с защитником; не достаточно четко определены обязанности обвиняемого; не конкретизирована ответственность следователя за нарушение прав обвиняемого и т.п. [1, с. 183-188].

Положение о снятии копий с документов, относящихся к обвиняемому, вызывает определенные сомнения, поскольку, согласно нему, следователь в любое время может запретить снятие копий документов, которые, с его точки зрения, к обвиняемому не относятся. В связи с изложенным, было бы правильным представить обвиняемому право по завершению расследования снимать копии со всех документов уголовного дела, которые он считает необходимыми.

Исследуя вопросы обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых при расследовании преступлений, представляется необходимым более детально остановиться на ситуациях, когда данные участники процесса лишены свободы в форме задержания, поскольку наибольшее количество нарушение их прав допускается при этом.

Обеспечение прав является обязанностью всех сотрудников органов, осуществляющих уголовный процесс, но закон особо выделяет обязанности сотрудников мест временного задержания как непосредственно осуществляющих лишение свободы в форме задержания. Так, статья 153 УПК предусматривает обеспечение следующих прав задержанного: своевременно знать причины задержания; не давать показания против себя и близких родственников; пользоваться защитником; сообщить о своем задержании; бесплатно пользоваться услугами переводчика; на уважении чести и достоинства; охрану здоровья; своевременно предстать перед судом; на свободу (не быть задержанным более времени, установленного законом); не подвергаться наказанию (задержанию) дважды за одно и то же [5, с. 65-76].

Для того чтобы задержанный, подозреваемый или обвиняемый мог надлежаще оспаривать законность своего задержания, необходимо немедленно (т.е. в момент задержания) поставить его в известность о причинах задержания. Это право личности закреплено в статье 67 Конституции Азербайджанской Республики, статье 9 (2) Международного пакта по гражданским и политическим правам (1966 г.) (далее, МПГПП), принципе 10 Свода принципов, защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988) (далее, Свод принципов), статье 5 (2) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) и других международных документах.

Статья 67 Конституции Азербайджанской Республики гласит: «Каждому лицу, задержанному, арестованному, обвиняемому в совершении преступления, со стороны компетентных государственных органов должны быть немедленно разъяснены его права и причины его задержания, ареста, а также привлечения к уголовной ответственности» [6, с. 16-17].

Объяснение причин задержания должно быть конкретным и включать четкое разъяснение правового и фактического основания для задержания. В этой связи, Комитет по правам человека заявил, что «недостаточно просто информировать задержанного о том, что он был арестован в связи с неотложными мерами безопасности, без указания существа обвинения против него» [15, с. 34].

Комитет по правам человека решил также, что имело место нарушение статьи 9 (2) МПГПП в случае, когда задержанный был извещен лишь о том, что разыскивался в связи с расследованием убийства и в течении нескольких дней ему не сообщали о причинах задержания, ни об обстоятельства преступления, ни о личности жертвы [Там же, с. 35]. Вместе с тем, в схожей ситуации, Европейский суд по правам человека разъяснил, что статья 5 (2) Европейской конвенции означает, что каждый лишенный свободы должен быть «извещен простым и понятным для него языком об основных правовых и фактических причинах его ареста, с тем, чтобы дать ему возможность, если он захочет, обжаловать в суде законность ареста...», однако это не требует полного описания всех обвинений в момент ареста [9, с. 76-77].

Относительно момента о времени уведомления о задержании, Комитет по правам человека постановил, что имело место нарушение статьи 9 (2) МПГПП в случае, когда адвокат правозащитной организации в течение более двух суток удерживался без сообщения о причинах его задержания [10, с. 70-71].

Таким образом, понятие «незамедлительно» толкуется в международных документах довольно четко, однако допускаются исключения, обусловленные неизбежными задержками, например, для поиска переводчика и т.п. Так, в случае, когда задержанный с наркотиками, был информирован об обвинении против него через переводчика на следующее утро после задержания, Комитет по правам человека признал, что в данных обстоятельствах лицу должно было быть известно о причинах временного лишения свободы [13, с. 16]. В этой же связи, Европейский суд по правам человека решил, что «промежуток в несколько часов» между временем задержания и допроса, который дает возможность задержанному понять причины ареста, «не может рассматриваться как выпадающий из временных рамок, налагаемых требованием незамедлительности, содержащимся в статье 5 (2)» [15, с. 71].

Из содержания приведенных решений исходит, что своевременность информирования лица о причинах задержания и имеющихся правах обеспечивается своевременностью протоколирования факта задержания и регистрации протокола, а также ознакомления с ним задержанного. Когда орган уголовного преследования, в том числе и работники мест временного задержания, будут обязаны предоставить лицу возможность собственноручно сделать отметку в протоколе о времени ознакомления с ним, разъяснении ему прав, в том числе, права на защитника и переводчика, то это обеспечит своевременность и полноту составления и регистрации протокола, т.е. соблюдения прав задержанного - личности.

Как отмечалось, право не давать показания против себя и близких родственников гарантировано ст. 66 Конституции Азербайджанской Республики и соответствующими международными документами - статьей 14 (3) (g) МПГПП, принципом 21 Свода принципов, статьей 67 (1) (g) Статуса Международного уголовного суда, ст. 6. Европейской конвенции по правам человека и др.

В частности, Европейский суд постановил, что «...право хранить молчание на допросе в полиции и гарантии против самоизобличения являются общепризнанными международными нормами, лежащими в сердцевине справедливого судебного процесса, в соответствии со статьей 6. Предоставляя обвиняемому защите от неподобающего принуждения со стороны властей, эти гарантии служат для избежания судебных ошибок и обеспечения целей, изложенных в статье 6» [9, с. 11-182].

Согласно ст. 13 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984), все заявления о принуждении к даче показаний или признанию вины, должны быть срочно и беспристрастно рассмотрены компетентными властями, включая судей [Там же, с. 47-48].

Согласно принципа 19 Свода принципов, правила 92 Единых минимальных правил и правила 92 Европейских правил тюремного содержания, людям, находящимся в предварительном заключении, должны быть предоставлены необходимые условия для связи с семьей и близкими и для их посещений. Эти права подлежат ограничению и контролю, только если это «необходимо в интересах отправления правосудия и для поддержания безопасности и порядка в учреждении» [Там же, с. 17-42].

Согласно принципа 16 (1) Свода принципов, правила 92 Единых минимальных правил, правила 92 Европейских правил тюремного содержания и статьи 10 (2) Декларации об исчезновении, каждый задержанный имеет право сообщить о себе семье и близким лично или при посредничестве властей. Если человек переводится в другое место содержания, об этом незамедлительно должны быть извещены члены его семьи и близкие [Там же, с. 17-86].

Согласно ст. 36 Венской конвенции о консульских отношениях, правила 38 Единых минимальных правил, правилу 44 Европейских правил тюремного содержания, статьи 10 Декларации о правах людей, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, иностранным гражданам, временно лишенным свободы, должны быть предоставлены условия для связи с представителями своих правительств и их посещений. Если они являются беженцами или находятся под защитой межправительственных организаций, они имеют право на контакты с представителями соответствующих международных организаций [Там же, с. 111-182].

Согласно принципа 14 Свода принципов, каждый задержанный, не владеющий в достаточной степени языком судопроизводства, имеет право на предоставление информации о его правах и о том, как ими пользоваться, о причинах задержания или ареста и об обвинениях против него на понятном ему языке. Он также имеет право получить письменный документ с изложением причин его задержания, с указанием времени ареста и перевода его в место содержания под стражей, даты и времени препровождения к судье или другим уполномоченным лицам, а также данных о том, кто и когда его задержал, и где это происходило. Он также имеет право на переводчика для оказания помощи во всех правовых процедурах после задержания, в том числе бесплатно [Там же, с. 191-192].

Согласно принципа 24 Свода принципов, правила 24 Единых минимальных правил, правила 29 Европейских правил тюремного содержания, лица, лишенные свободы, имеют право на медицинское обслуживание. Это право рассматривается как гарантия против применения пыток и неподобающего обращения, а также как составная часть обязанностей властей по соблюдению уважения к человеческой личности.

Согласно статьи 9 (3) МПГПП, статьи 5 (3) Европейской конвенции, принципа 11 (1) Свода принципов и других международных документов, каждый задержанный должен немедленно предстать перед судьей или другим должностным лицом, уполномоченным законом осуществлять судебные функции. Незамедлительность доставления к судье обеспечивается тем, что время, необходимое для этого, входит в общий срок задержания. При истечении сроков задержания, предусмотренных ст.ст. 148-152 УПК, задержанное лицо подлежит освобождению и освобождение может произвести руководитель администрации места временного содержания под стражей, для которого это является обязанностью, а не правом.

Список литературы

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки уголовного процесса. Воронеж, 1980. 267 с.
2. Бекешко С. П., Матвиенко Е. П. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969. 215 с.
3. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Соц. законность. 1959. № 4. С. 10-16.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М., 2002. 864 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Азербайджанской Республики / И. Т. Зейналов, Д. И. Сулейманов. Баку: Ганун, 2004. 227 с.
6. Конституция Азербайджанской Республики. Баку: Ганун, 2003. 48 с.
7. Короткий Н. Н. Процессуальные гарантии неприкосновенности личности подозреваемого и обвиняемого в стадии предварительного расследования. М., 1981. 186 с.
8. Люблинский П. И. Гарантии прав подозреваемого при производстве дознания // Вестник советской юстиции. 1924. № 15. С. 16-18.
9. Международные документы в области прав и свобод человека. Госдепартамент США, 2002. 566 с.
10. Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. М.: Права человека, 2004. 896 с.
11. Напреенко А. А. К вопросу об основаниях признания гражданина подозреваемым // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам. М., 1967. 211 с.

12. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985. 797 с.
13. Права человека и судопроизводство: собрание международных документов. Варшава: БДИПЧ ОБСЕ, 2004. 289 с.
14. Раджабова Т. Ф. Обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого при расследовании преступлений // Юридические науки и образование. Баку, 2003. № 3. С. 102-112.
15. Руководство по справедливому судопроизводству. М.: Права человека, 2003. 196 с.
16. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 602 с.
17. Строгович М. С. О подозреваемом // Соц. законность. 1961. № 2. С. 31-38.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. Баку: ЮЛ, 2001. 567 с.
19. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000. 230 с.
20. Шведов Н., Завидов Б. Готовимся к введению суда присяжных // Рос. юстиция. 1994. № 5. С. 22.
21. Qafarov M. S. İbtidai istintaqda müstəntiq tərəfindən müttəhimin hüquqları və qanuni mənafeyinin təmin edilməsi. Bakı: Elm, 1999. 200 s.

УДК 343.37

Светлана Сергеевна Бобкова
Академия управления МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ)[©]

Незаконная добыча водных биоресурсов является неотъемлемой частью экологической преступности, следовательно, по мнению автора, изначально необходимо рассмотреть состояние экологической преступности в Российской Федерации.

Уголовный кодекс Российской Федерации не дает понятия «экологического преступления». Возможно, отсутствие такового является следствием разнообразия определений, предлагаемых в юридической литературе. Однако формулирование его крайне значимо для достижения многих важных целей. Представление совокупной общественной опасности экологически вредных деяний необходимо для правильного определения их круга, выделения правонарушений, которые следует признать преступными. Правильное понимание экологического преступления служит методологической базой нормотворческого процесса [9, с. 30]. Понятие экологического преступления было закреплено в ст. 85 Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 [3]. Однако оно не было обязательным, поскольку не закреплялось в уголовном законе.

В Юридической энциклопедии дается понятие «Экологического правонарушения», под которым понимаются виновные, противоправные деяния, нарушающие природоохранительное законодательство и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека, за совершение которых должностные лица и граждане несут дисциплинарную, административную либо уголовную, гражданско-правовую, материальную, а предприятия, учреждения и организации - административную и гражданско-правовую ответственность» [23, с. 1203].

В юридической литературе определению понятия «экологическое преступление» уделяется много внимания. Экологическая преступность представляет собой сложную систему, состоящую из экологических преступлений, т.е. общественно опасных, виновных, противоправных, причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека деяний, запрещенных и наказуемых в соответствии с уголовным законом, посягающих на общественные отношения по охране окружающей человека природной среды и рациональному использованию природных ресурсов, включая обеспечение экологической безопасности личности, населения, общества, нации и устойчивого развития государства, особой группой преступников, посягающих на экологические права и свободы граждан, благоприятную экологическую среду и интересы государства в области создания условий для устойчивого развития российского общества, а также комплекса детерминирующих данную преступность факторов [16, с. 108].

Профессор В. Д. Ермаков считает, что экологические преступления являются одним из наиболее общественно опасных и распространенных видов противоправных деяний. В совокупности с другими экологическими правонарушениями ввиду тяжести своих отрицательных последствий демографического, экологического и социального характера они представляют собой реальную угрозу национальной безопасности [12, с. 515-516].

А. Ю. Винокуров дает следующее определение - «под экологическим правонарушением следует рассматривать виновные (умышленные и неосторожные), противоправные, наказуемые в соответствии с нормами уголовного, гражданского, трудового законодательства и законодательства об административных правонарушениях деяния, посягающие на установленный порядок в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, последствия которых могут выражаться в причинении вреда объектам окружающей среды и (или) здоровью человека либо создании угрозы наступления такого вреда» [22, с. 268].